

РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ДИЛЕММЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

МАЙКЛ БУРОВОЙ

(Беркли, США)

Американская социология развивалась как наука, потому что была избавлена от необходимости предоставления немедленных практических результатов или рекомендаций. Ее история — это история разделения теории и практики, что стало возможным благодаря ее институционализации в университетах. Там социологии была предоставлена достаточная автономия от спонсоров. Чикагский университет в 20—30 г. первым вывел социологию на путь превращения в академическую профессию. После второй мировой войны под руководством Т. ПАРСОНСА школа структурного функционализма навязала американской социологии беспрецедентные единообразие и сплоченность. Функцией социологии тогда, как и прежде, было выдвижение альтернативы марксизму, которая имела параллельные научные стремления, но вместо осуждения капитализма должна была возвеличивать его основные ценности. Однако успех структурного функционализма обеспечил и его гибель. Установив монополию, он ликвидировал сам марксизм, который дал социологии основание для ее существования.

Из-за своего грандиозного и абстрактного каркаса социология потеряла связь с обществом, которое она стремилась понять, а в результате не смогла уловить изменения в американском обществе конце 60-х годов. В 70-е годы марксизм, а затем феминизм придали социологии более критический заряд. Недавнее ослабление марксизма стимулировало тяготение социологии к неоклассической экономике как источнику новых идей.

Социология родилась с большой мечтой. **Огюст Конт**, французский философ начала XIX в., провозгласивший себя отцом социологии, рассматривал появление этой науки как

Майкл Буровой (род. в 1947 г.), профессор социологии Калифорнийского университета (Беркли), автор нескольких книг, в том числе:

«The Colour of Class on the Cooper Mines: From African Advancement to Zambianization» (1972), «Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism» (1979), «The Politics of Production: Factory Regimes under Capitalism and Socialism» (1985), «The Radiant Past. Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism» (1991), в соавторстве с J. Lukacs).

показатель кульминации мировой истории, переход общества от теологической стадии через метафизическую в последний — научный (или позитивный) период. Все отрасли знания прошли через эти стадии: математика и физика — первыми, социология — последней. Открывая универсальные законы человеческого поведения, Конт рассчитывал на то, что он вводит политическое правление социологии. Управление согласно социологическим принципам обеспечивало бы всеобщий порядок и прогресс. Демократия была бы не только не нужна, но подрывала бы правление социологии.

Возможно, кое-кто все еще питает контовские надежды на социологию как религию человечества, большинство же социологов XX в. отказались от его наивности и самомнения. Вместо этого они развили ограниченный комплекс научного и критического знания о воспроизводстве и динамике общества. Социологи, особенно в США, превратились из самозванных высокопоставленных священников общества в корпус профессиональных ученых. Эта история достойна изучения с целью понимания пределов и возможностей социологии как науки и профессии.

1. Начало Американской академической социологии в Чикаго

Ранняя американская социология, возникнув в конце XIX в., была движима контовским стремлением развить науку об обществе, которая сделает политику ненужной. Это, например, было бы верно в отношении самого раннего курса по социологии — «Динамика социологии» Уорда. Но амбиции социологии были подрезаны, когда был основан первый факультет социологии (Чикаго, 1892 г.). Многие из его ранних лидеров были из религиозной среды. Они надеялись использовать социологию как средство социальных реформ. Социальное обследование использовалось как способ привлечения внимания к болезням общества.

Внутри чикагского факультета социологии возникло разделение между социальными реформаторами, стремившимися политизировать социологию, и профессиональными учеными, добивавшимися более беспристрастных позиций и относившимися с пренебрежением к тому, что они называли «движением обследований».

Профессиональная социология вначале развивалась в оппозиции социальным исследованиям, которые рассматривались как инструмент политики, а не науки. Наиболее убедительная эффективная оппозиция социальным реформаторам была представлена **Р. Парком**, вдохновителем и лидером чикагской школы социологии (20—30 гг.). Сам Парк учился в Германии и находился под активным влиянием **Г. Зиммеля**. Парк придерживался олимпийской позиции: социология не должна доказывать свою непосредственную применимость в решении социальных проблем. Скорее, она должна создавать благоприятные условия для улучшения ситуации посредством распространения понимания социальных процессов. Социология более эффективна как орудие образования, а не пропаганды. Она способна устанавливать параметры, в пределах которых социальная реформа может быть эффективной.

Социальная теория Парка испытывала влияние идей Спенсера и социал-дарвинизма, согласно которым общество развивается через конкурентную адаптацию к окружению. Парк, например, отстаивал взгляд на перспективы расовых отношений с точки зрения «естественной истории», в соответствии с которой взаимодействие между расовыми группами неизменно проходит через ряд стадий: конкуренция, конфликт, адаптация и, наконец, ассимиляция. Эта теория «расового цикла» утверждала, что социальные процессы имеют собственную логику и должны пройти весь цикл самостоятельно. Роль социальных реформ сверху ограничивалась. С точки зрения Парка, важно стимулировать социальные группы к борьбе за свои интересы снизу.

Оппозиция социальным реформам и социальным исследованиям не означала, что Парк был против эмпирического исследования социальных проблем. Наоборот, понимание социальных процессов, создающих социальные проблемы, формирует строительные блоки теории, требует более близкого знакомства с социальной жизнью, чем можно достигнуть через социальные исследования. Под его руководством чикагская школа получила наибольшую известность за свои полевые исследования в Чикаго (тогда растущий городской центр деловой и культурной жизни, привлекавший иммигрантов из Европы, а также из других частей Соединенных Штатов). Парк и его коллеги составили социологическую карту Чикаго, основанную на исследовании их студентами различных районов города. Ранние исследования были посвящены

таким темам, как «хобо» (бездомные мигранты), трущобы, новые богачи «Золотого берега», новые иммигранты, молодежные банды, патрулировавшие кварталы, и такой сууго городской институт как «taxi-dance-hall» (место, где собираются мужчины, приехавшие на такси, чтобы купить молоды женщин для танцев и других развлечений). Этот тип интенсивного включенного и невключенного наблюдения был совершенно нов для социологии.

Парк и Берджесс смотрели на город как на социальную лабораторию, где они открывают законы человеческого поведения. Их теория человеческой экологии была смелым шагом в этом направлении. Адаптация к окружению посредством конкурентной борьбы за выживание ведет к дифференциации города на географически определенные, подходящие для жизни их населения зоны. Одним из знаменитых вариантов этой теории является разработанная **Берджессом теория роста города в условиях развития серии концентрических зон**. Внутри каждой зоны возникал специфический способ социальной адаптации, порождавший специфические общности и социальные отношения. Знаменитая карта концентрических кругов все еще включается во многие учебники Эта теория предлагала, чтобы все большие города развивались аналогичным образом — требование, ложность которого доказывается снова и снова. Эта теория оказалась недействительной потому, что, концентрируясь на пространственных формах, она игнорировала фундаментальные социальные и политические процессы в современных крупных центрах.

Хотя и дискредитированное, это направление в человеческой экологии было началом современной городской социологии. Оно породило чикагскую **теорию урбанизации**, которую популяризировал **Л. Вирт** в своей знаменитой статье «Урбанизм как образ жизни», фокусировавшей внимание на аномии и индивидуализме городской жизни. Этот взгляд на город впоследствии был подкорректирован чикагским социологом **Г. Гэнсом**, который писал о возникновении солидарных общин в своей работе «Городские селяне». **У. Томас**, одна из главных фигур чикагской школы, развил **теорию социальной дезорганизации** в своем знаменитом и объемном исследовании, написанном совместно с **Ф. Знанецким**, «Польский крестьянин в Европе и Америке». В этом труде исследовался образ жизни поляков как в Чикаго, куда они иммигрировали, так и в их родной стране. Теория социальной дезорганизации была первым вкладом в изучение девиантности и

девиантной субкультуры, что впоследствии породило теорию «девиантного клеймения», развитую другим чикагским социологом **Г. Беккером** в его книге «Посторонние». Девианты не являются таковым от рождения, а становятся ими в результате процесса клеймения, навешивания ярлыков. Из чикагской школы вышла также **школа символического интеракционизма**, которая ассоциируется в первую очередь с именем философа **Д. Г. Мида**, затем ее развивали **Г. Блумер**, **Э. Хьюз** и наиболее известный из всех **И. Гоффман**. Фиксируя внимание на том, что агенты конструируют социальную ситуацию, символический интеракционизм явился чикагским ответом на возникновение теории систем **Т. Парсонса**.

Хотя оригинальная чикагская социологическая школа была оттеснена в тень, тем не менее она наложила отпечаток на предвоенную американскую социологию, как течение, непосредственно вовлеченное в реальный социальный процесс и социальные проблемы города. Это был первый факультет, больше заинтересованный в экспансии социологии как автономной науки, чем пропагандиста социальных реформ. Однако оказалось, что теоретический каркас чикагской школы был слабо связан с эмпирическим материалом, который она собирала. В росте социологии в послевоенный период можно видеть более систематическое развитие того, что стало известным как «большая» теория, так же как теория среднего уровня, которая развивалась в тесной связи с исследовательской техникой. Теория и эмпирические исследования сблизилась, но часто в ущерб их связи с социальной реальностью.

2. Теоретически мотивированное исследование

Исследовательская техника, принятая чикагской школой, была эклектической, но, как мы видели, базировалась на полевом исследовании, часто этнографического характера. Чикагская школа адаптировала теорию, взятую из других дисциплин, и в тоже время надеялась, что гипотезы будут индуктивно возникать из массы собранных данных. Это было неизбежно в генезисе новой науки, но по мере своего развития она все более заботилась о проверке утвердившихся теорий. В этой связи одной из отличительных черт американской социологии стала все возрастающая роль количественных методов.

В послевоенный период мы видим систематический сбор демографической информации и данных опросов с целью

проверки теорий и объяснения социальных процессов. Это не было прямо связано с «разгребанием грязи» или пропагандой социальных реформ. Не был это и простой сбор социально актуальной информации — подсчет числа бедняков, измерение мобильности индивидов, установление существования неравенства, определение политических позиций различных групп населения. Этот сбор данных был направлен на проверку теорий с точки зрения выяснения **причин** значительных социальных явлений, установления **механизмов**, которые объясняют распределение социальных характеристик. Это требовало сложной статистической техники, которая могла выводить причинные процессы из данных, собранных в одной точке определенного времени. Использование панельных данных (то есть данных, собранных от одних и тех же индивидов в последовательно расположенные периоды их жизни) было редким и требовало больших затрат.

В 50—60-е годы большое внимание уделялось изучению стратификации и социальной мобильности. Это отражало широко распространенную веру в то, что Соединенные Штаты — открытое общество, что при необходимых усилиях любой человек может достичь вершины. Очень быстро сравнительные исследования показали, что американское общество не более открыто, чем другие западные общества. **С. М. Липсет и Р. Бендикс** поставили проблему: почему так много американцев верят в возможность социальной мобильности, тогда как реальность не дает для этого основания. Липсет приступил к изучению происхождения американских ценностей в своей знаменитой книге «Первая новая нация».

Социологи обнаружили также, что американцы разделяют общие ценности относительно расположения видов деятельности в соответствии с иерархией престижа или того, что позднее стало известно как социально-экономический статус. Так, социологи начали исследовать, каким образом различные индивиды оказывались в различных позициях в этой структуре видов деятельности. В своей классической работе «Американская структура видов деятельности» **П. Блау и Д. Дункан** развернули технику многофакторного анализа, линейной регрессии, чтобы обнаружить, как социальное происхождение (вид деятельности и образование родителей, раса и т. п.) благоприятствовало мобильности внутри и между поколениями. Они смогли оценить относительное значение различных факторов и таким образом утвердить новую традицию исследования социальной мобильности и стратифика-

цин, которая использовала все более сложные математические модели и статистическую технику.

В последующих исследованиях техника опросов использовалась для изучения причинных связей между классовой структурой и классовым сознанием. Основываясь на новой реконструкции марксистской теории, Э. Райт разработал вопросник, который позволяет соотнести классовую позицию и классовое сознание респондентов. Такое обследование проведено уже более чем в 20 западных странах. Первое теоретическое обобщение результатов появилось в его книге «Классы». Модифицированная версия вопросника была после этого разработана для сравнительного изучения США и СССР. Целью этого исследования является не сравнение классовых структур советского и американского обществ, не сравнение классового сознания их населения, а ответ на вопрос: «Детерминирует ли классовая структура классовое сознание различным образом в различных обществах?».

Хотя много энергии было потрачено в главных социологических центрах на сбор и анализ больших массивов данных, качественные исследования все еще продолжают жить и играть центральную роль в развитии теории. Одна из наиболее примечательных послевоенных школ развивалась в колумбийском университете под руководством Р. Мертон. Вначале он заинтересовался веберовской теорией бюрократии. Мертон поставил вопрос: как Вебер смог доказывать, что бюрократия была наиболее эффективной формы организации, в то время как повсюду она ассоциировалась с неэффективностью. Начав с веберовского идеального типа, Мертон развил теорию ритуализации поведения бюрократии. Строгое следование правилам может привести к неспособности реагировать на требования социального окружения.

Его ученики (наиболее известны из них Ф. Селзник, П. Блау, С. М. Липсет, И. А. Гоулднер) проводили «case studies» бюрократии. Р. Селзник изучал организацию периода «нового курса», известную как TVA, и показал, как бюрократия поддается политическому давлению окружения и в результате отклоняется от своих первоначальных целей. В своей книге «TVA и низовые организации» он развил теорию «смещения целей» в организациях. В своей работе «Аграрный социализм» С. М. Липсет показал, как администрация одной канадской провинции стала эффективным препятствием на пути попыток социалистического правительства

реализовать свою собственную программу. Оба этих исследования критиковали и реконструировали веберовскую идею о бюрократии как инструменте в руках своего руководства. Основываясь на изучении двух государственных учреждений, П. Блау («Динамика бюрократии») постарался придать веберовской статичной модели бюрократии динамическую перспективу. А. Гоулднер сломал монолитный характер веберовской модели в разных отношениях, открыв внутренние противоречивые тенденции, порождающие различные типы бюрократии. Книга «Образцы промышленной бюрократии» была основана на изучении гипсового завода.

Проверка теории облегчается использованием массивов данных, но в них нет необходимости для развития теории. Развитие требует анализа существующей теории с точки зрения внутренней логичности и способности осветить конкретные социальные процессы. Новое теоретическое направление не может возникнуть в результате создания теории с нуля, с одного исследования, но может строиться на существующих традициях.

«Case studies» — это эффективное средство обнаружить основные недостатки утвердившейся теории и затем на этой основе реконструировать ее.

3. Социология как профессия

Мы видели, что в послевоенный период социология развивалась через взаимодействие процессов построения теории и эмпирического исследования. Они развивались в единстве. Однако для того, чтобы социология сформировала свою теорию, она должна была избежать пути рыночного исследования: социология не могла посвятить себя добыванию результатов или предоставлению рекомендаций своим финансовым спонсорам. Ученые должны были иметь достаточную автономию, чтобы решать самим, какое исследование проводить, что является «релевантным», а что нет.

Нельзя было требовать с них отчет о практической значимости каждого исследования. Концентрация исследований в университетах и развитие социологической профессии было существенно для защиты автономии теории и эмпирических исследований.

В 1950-х годах социология была институционализована во всех университетах. Ведущую роль здесь играли Чикаго,

Гарвард, Беркли, а также Колумбия, Мичиган, Висконсин. Сегодня все университеты в США имеют кафедры социологии.

Их размер варьируется в зависимости от размера университета; типичная кафедра в большом университете имеет примерно 20 членов. Первая и наиболее общая их функция — обучать социологии. Признание стабильных учебников, определивших предмет социологии и широко использовавшихся во вводных курсах, стало признаком ее институционализации. Была признана широкая потребность в социологических курсах, и поэтому их преподают студентам различных специальностей. Меньшая часть студентов специализируется в социологии как в своей будущей профессии. В тоже время это один из путей подготовки для профессионального обучения праву, социальной работе или педагогике. Однако многие студенты, специализирующие на социологии, уходят на административные посты в госаппарате сразу же после получения степени. Немногие из лучших продолжают изучение социологии на новой ступени, преследуя цель получения магистерской, а затем докторской (PhD) степени. Из докторов выходят будущие университетские преподаватели и профессора. Докторская степень предполагает, во-первых, тщательное обучение исследовательской технике, социальной теории, специальным социологическим теориям, таким как социология города, политическая социология, социология труда, семьи, преступности, девиантного поведения, коллективного поведения и права. В течении первых 3—4 лет студенты имеют семинары по базовым и факультативным дисциплинам и в конце обучения экзаменуются комиссией из 5 профессоров.

Предполагается, что к этому моменту они имеют основательные знания в 3—4 дисциплинах, которые в принципе могут преподавать в университете. Если они сдают этот квалификационный экзамен, они могут готовить предложения для основного оригинального исследования, известного как «тезис» или диссертация. Само это исследование потребует еще приблизительно 5-летнего срока (в зависимости от амбиций студента и требований комиссии).

При всем своем демократизме американская университетская система сильно стратифицирована. На вершине находятся лучшие частные и 1—2 государственных университета, а внизу — двухгодичные колледжи с неполным курсом.

Теоретически студенты могут переходить с одного уровня системы в другой, и это действительно случается, но препятствия на этом пути — огромны. Большинство исследований

проводятся в так называемых главных исследовательских университетах (всего их около 50), имеющих собственные программы подготовки докторов. Сами эти университеты стратифицированы согласно престижу, условиям работы и обеспеченности оборудованием.

В ведущих университетах прием на работу и дальнейшее продвижение осуществляется с учетом научных публикаций. Через 6 лет преподавательской работы assistant professor выдвигается на должность associate professor с контрактом на длительный срок. Если профессор получил контракт, он имеет стабильное положение, лишиться которого может лишь в исключительных обстоятельствах. Требования для заключения контракта строги и предполагают определенный уровень научных достижений. Организован целый ряд комитетов, состоящих из опытных ученых, которые принимают решение, основываясь как на собственных оценках работы, так и на мнении десятка внешних рецензентов, все из которых являются социологами или, по крайней мере, обществоведами.

Профессиональная корпорация контролирует также свои собственные журналы и ранжирует их в соответствии с престижем. Основные журналы: «The American Sociological Review» (ASR) как главный орган американской социологической ассоциации и «American journal of Sociology (AJS), издающийся в Чикагском университете. Публикации в главных социологических журналах подвергаются тщательному рецензированию. Редактор рассылает полученные статьи двум или трем рецензентам, отбираемым редактором на основе их опыта. Рецензенты представляют анонимные комментарии и рекомендации как для автора, так и для редактора. На основе этих комментариев и обсуждения редакционной коллегией редактор решает, отвергнуть пакет, принять его сразу или с доработкой. ASR и AJS сразу же отвергают более 90% полученных статей и не принимают без доработки практически ни одной. Большинство из остающихся 10% возвращаются автору с рекомендациями для доработки. Такая процедура, очевидно, имеет консервативный оттенок, благоприятствует доминирующим взглядам в данной области, но обеспечивает регулирование социологами (вернее, их элитой) собственной сферы и дает возможность не подстраиваться под внешние силы. Имеется ряд альтернативных журналов с меньшим тиражом, которые менее строги в рецензировании и публикуют более «девиантные» и интересные статьи. Наиболее видные из них «Theory and Society». «Politics and

Society», «Social Problems», «Feminist Studies», «Critical Sociology».

Публикация научных книг университетскими издательствами также предполагает оценку двух рецензентов. Но здесь редколлегия проявляет большую осторожность, чем профессиональные журналы, т. к. она больше зависит от сбыта.

Что касается финансирования исследований, то большинство так называемых исследовательских университетов предполагает систему творческого отпуска, с тем чтобы каждые шесть лет преподаватель получал годовой исследовательский отпуск. Конечно, предполагается, что исследования ведутся и одновременно с преподаванием. Ученые ведущих университетов могут получить и дополнительное финансирование исследований из государственных фондов, таких как «Национальный научный фонд», или из частных фондов, таких как «Фонд Форда». В обоих случаях предложения на исследования обычно подвергаются экспертизе коллег. Научная характеристика претендента и его университета играют существенную роль при принятии решения о финансировании. Естественно, логичность и важность предложения также принимаются во внимание, но в любом случае претендент сам решает, какое исследование проводить. Правда, в определенных областях более вероятно получить финансирование в любое время, особенно когда речь идет о финансировании из частных фондов. Так, в последние годы наблюдался уклон в финансировании проблем бедности и старости — двух наиболее заметных проблем американского общества. Но во всех случаях как только исследователи получают средства, они более уже не подотчетны фонду и могут работать так, как считают нужным. Они могут послать копии своих публикаций спонсорам, но чаще всего это дань вежливости.

Профессионализация означает саморегуляцию социологического сообщества. Это делает возможным развитие теории во имя теории и обособление от требований непосредственного и немедленного применения теории к социальным проблемам. Такое разделение теории и практики, однако, никогда не было полным: развитие социологии всегда отражало меняющийся характер социальных проблем, также как ее идеи просачивались в социальную реальность. Так, многие исследования социального неравенства концентрировались на вопросах устойчивости бедности, особенно бедности негров. Теории, которые объясняли бедность афроамериканцев их культурой, формами их семьи, соперничали со структуралист-

скими теориями, выдвигавшими на первый план расовую дискриминацию в образовании и на рынке. Результаты этих исследований имели непосредственное политическое применение при решении следующих вопросов: десегрегировать ли школы, сокращать ли социальную помощь афроамериканским семьям, создавать ли для них новые рабочие места, переучивать ли их. Возможно, одним из наиболее влиятельных из когда-либо проводимых было исследование **Д. Колемена**, которое было использовано для обоснования bussing'a», то есть системы интегрированных городских школ, куда дети доставляются автобусами из «белых» пригородов в «черные» школы и наоборот. После 20-летнего эксперимента с десегрегацией школ Колемен предпринял второе исследование и пришел к выводу, что в конечном счете десегрегация не была такой уж хорошей идеей. Изменился не только Колемен, но и время.

Социологическое исследование не только отражает проблемы данного времени, но также воздействует на понимание и решение этих проблем. Так, в 50-ые годы такие социологи как **Д. Белл** и **С. Н. Липсет** прославляли американское общество, пропагандируя популярный тогда тезис, что главные проблемы общества решены и поэтому классовые конфликты и идеологически мотивированные социальные движения исчерпаны. Это получило известность как тезис «О конце идеологии».

Те же социологи, наблюдавшие социальные движения и борьбу 60-х годов, попытались спасти свою теорию с помощью другого социального тезиса, согласно которому мы были свидетелями родовых мук нового типа общества — постиндустриального, основанного на сфере услуг и знаний. Изучение образцов человеческой сексуальности, предпринятое **Кинзи**, явилось другим примером исследования, которое формировало общественное мнение и давало информацию для социальной политики. Возможно, отражая послевоенный приход женщин на рынок труда (и особенно квалифицированного), феминистская социология привела к обостренному сознанию мужского господства во всех сферах жизни.

Во всех этих случаях давление со стороны руководящих органов и больших корпораций было косвенным. Социологи лишь изредка были платными слугами своих финансовых спонсоров. Они не были ни приводными ремнями правительственной политики, ни градусниками, стремящимися измерить политическую температуру общественной жизни. Связь меж-

ду теорией и практикой не была прямой, а опосредовалась через различные институты, которые давали социологам подобие независимости и автономии для развития науки об обществе.

Такое разделение теории и практики позволило социологии занять мягко-критическую, а в некоторых случаях — радикальную позицию по отношению к правительству и бизнесу.

4. Структурно-функционалистский империализм

Но как социологии удалось утвердиться в качестве дисциплины не только автономной от внешнего давления, но и отличной от других социальных наук? Для того, чтобы узаконить себя как академическую дисциплину, она должна была четко определить свою сферу: своеобразный комплекс проблем, теорию и технику исследования.

Неудивительно, что социология как новая дисциплина вначале нашла свой дом в Чикаго. Местный университет находился под влиянием своего среднезападного окружения и давления в сторону социальных реформ, но в то же время не был связан обычными дисциплинарными границами, характерными для колледжей «плющовой лиги»* восточного побережья. С распространением университетской системы и усилением профессионализации социальных наук социология должна была определить свою собственную базу для того, чтобы выжить в академическом мире. Т. Парсонс, имевший прочную позицию в Гарвардском университете, играл ведущую роль в институционализации американской университетской социологии после 2 мировой войны. Первоначальный замысел Парсонса состоял в утверждении социологии в качестве дисциплины, дополняющей экономические науки. Он создал теоретический фундамент американской социологии в своем классическом синтезе идей Маршалла (английский экономист), Дюркгейма, Вебера и Парето. «Структура социального действия» (1937) — попытка продемонстрировать независимую конвергенцию их работ в сторону того, что Парсонс назвал «волюнтаристской теорией действия»; «экономическая деятельность» была только его разновидно-

«ivy league»-- объединение ведущих привилегированных университетов США.

стью. Каждый из названных авторов старался развить теорию действия, которая выходила бы за пределы «рационального действия», с целью включения «иррационального» и «нерационального действия» (Парето), за пределы «инструментальной рациональности» с целью включения экспрессивной и ценностной рациональности (Вебер), или рассматривала «экономическое действие» как зависящее от неэкономических оснований (Дюркгейм). Развивая общую теорию действия, Парсонс старался включить все специальные общественные науки (в том числе экономические) в структуру общей социологии. Так, «Социальная система» (1951) была направлена на изучение условий стабильности системы посредством развития понятия «дополнительных ролевых ожиданий», основанных на общих ценностях. В дальнейшем он придал своему системному анализу большую специфичность, развил схему четырех функций, впервые набросанную в книге «Экономика и общество» (написанной вместе с **Н. Смелзером** в 1956 г.). Любая социальная система должна адаптироваться к своей среде (экономика), добиваться целей (политика), должна интегрировать действия своих членов (община), воспроизводить общие ценности и мотивации, или то, что он назвал «скрытой функцией» (семья, школа). В последний период жизни он рассматривал эволюцию общества как дифференциацию особых институтов с целью выполнения ими этих функций и развитие «универсальных средств обмена» (деньги, власть, влияние и принимаемые ценности) для того, чтобы координировать отношения внутри и между этими институтами. В парсоновской попытке утвердить социологию как все покрывающую структуру для всех социальных наук было много схожего с контовской грандиозностью.

Что касается определения особого предмета социологи, то наиболее важным вкладом Парсонса было использование работ Дюркгейма и Вебера с целью утверждения основы социологии как изучения неэкономических аспектов экономического действия, а также неэкономической сферы общества. Так, индустриальная социология могла развивать теорию неэкономического происхождения буржуазного капитализма (Вебер), или изучать неформальные группы и ценности, которые развиваются на промышленных предприятиях. Знаменитое исследование под руководством **Э. Мэйно** стимулировало изучение рабочего места так, как будто это была деревня с ее собственными ритуалами и обычаями. Соответственно социологи тратили много времени на исследование работы

неформальной группы, выясняя, укрепляет или подрывает она экономическую рациональность. Другие индустриальные социологи ввели политический компонент в экономику и изучали разрешение и институционализацию конфликта. Профсоюзы и правопорядок рассматривались ими как интегральная часть современных индустриальных отношений.

Экономисты игнорировали не только роль неэкономических факторов в экономике, но также решающую роль неэкономических институтов вне экономики. Вполне очевидно, что они мало что могли сказать о таких институтах, как государство и община. Как дополнение к экономическим наукам социология должна была уделять много внимания воспроизводству общих ценностей в семье и школе, что стало известно как изучение социализации. Сам Парсонс развил интересную теорию семьи, основанную на половом разделении труда. Опираясь на Фрейда, он утверждал, что женщины по сравнению с мужчиной сталкиваются с гораздо более трудным процессом приспособления к современному индустриальному обществу — идея, которую подхватили современные феминистки (такие как А. Чодоров). Он считал, что семья поглощает фрустрации, порожденные промышленной дисциплиной. Там, где семья была авторитарна, это было невозможно, и остаточная агрессия могла быть мобилизована в социальных движениях. Этим он объяснял подъем фашизма в Германии и его отсутствие в США.

Сформировалась развитая социология семьи, в которой разгорелись споры относительно того, какой была, есть и будет ее типичная форма. Была ли нуклеарная семья чем-либо более, чем идеальной нормой, распространенной в ограниченных кругах среднего класса Америки? В сфере образования процветала социология, интересовавшаяся вопросом, насколько образование стимулирует или смягчает неравенство и как оно воспроизводит или подрывает классовые отношения. Поскольку Парсонс утвердил свою грандиозную теоретическую структуру, социология могла изучать почти все. Вместе со своими сотрудниками и студентами Т. Парсонс придал социологии 50—нач. 60 годов необычайную сплоченность и единообразие. Действительно, можно сказать, что новый синтез, известный как **структурный функционализм**, был настолько мощным, что американская социология стала всемирной. Но в то же время нет сомнения, что его влияние было связано и с другим фактором, центральным для истории социологии — его спором с марксизмом.

5. Идеологическая роль социологии

В «Структуре социального действия» Парсонс игнорировал марксизм, «сдав в архив» вместе с утилитарной мыслью 19 века. В значительно более поздней статье, представленной как лекция в 1965 году, Парсонс утверждал, что методика Маркса устарела, что его исходные установки были анахроничны, а выводы не выдержали проверки временем. Из этой статьи ясно, что Парсонс никогда не читал Маркса серьезно. Все сноски в этой статье — только на консервативных комментаторов, но не на оригинальные работы. Безапелляционное отстранение Маркса означало, что Парсонс не собирался рассматривать развитие марксизма после Маркса. Его невежество было умышленным.

Можно сказать, что система структурного функционализма была создана как альтернатива марксизму. Она концентрировалась на стабильности и ценностном консенсусе внутри капиталистического общества, а также способности капитализма решить порожденные им проблемы.

В самом деле, взгляд Парсонса на капитализм сродни взгляду Маркса и особенно Ленина на коммунизм: бесклассовый, саморегулирующийся и гармоничный (если не считать индивидуальных отклонений). Если стратегия Парсонса в борьбе с марксизмом состояла в его игнорировании, то классические социологи (Парето, Дюркгейм и особенно Вебер), на которых его теория основывалась, занимались марксизмом непосредственно. Создавая свои труды в Европе в период между 1890—1920 годами, они вынуждены были воспринимать марксизм серьезно. Они укрепились в спорах с марксизмом. Можно даже утверждать, что самой причиной существования европейской социологии было стремление бросить вызов марксизму.

В главной работе Э. Дюркгейма «Об общественном разделении труда» утверждалось, что это разделение скорее порождает интеграцию и солидарность, чем конфликты и отчуждение, как считал Маркс. И если классовая борьба и аномия имеют место в капиталистическом обществе, то потому, что разделению труда не позволено развить свою сущность. Капитализм был "все еще в переходном состоянии, и социальная справедливость еще не установилась. Дюркгейм видел в разделении труда возможность реализации человеческого потенциала и не считал нужным его ликвидацию. Если Дюркгейм смотрел на эмансипацию как совместимую

с капитализмом, то **М. Вебер** соглашался с марксистами, что капитализм содержит неизбежный момент господства. Но любая попытка выйти за пределы капитализма в сторону эмансипации приведет к усилению господства. Так, он рассматривал социализм как удушение свободы бюрократией; лучше уж уравновесить бюрократию демократией внутри капитализма. Для Вебера существовали пределы рационализации общества.

Продолжая эти дебаты с марксизмом, послевоенная социология выполняла очень важную идеологическую функцию в период «холодной войны». Ее острием была политическая социология, одна из наиболее резонирующих областей социологии. Она взяла на себя прославление достоинств капиталистической демократии в пику фашизму, который только что был побежден, и коммунизму, который также будет побежден. Она отождествляла фашизм и коммунизм как две формы тоталитаризма, отрицающего основные гражданские права и свободы, которые либеральная демократия дала своим гражданам. Политическая социология стремилась установить условия стабильной демократии и условия ее краха. Многие из ее наиболее известных деятелей — Ф. Селзник, С. М. Липсет, Д. Белл, С. Хук — флиртовали с коммунизмом в 30-е годы. Нет более опытных и преданных антикоммунистов, чем бывшие коммунисты.

В то же время теория стратификации мотивировалась враждебностью классовому анализу. Классы не существовали в современном американском обществе, которое понималось как иерархия видов деятельности в соответствии с их престижем. Согласно прогнозу Дюркгейма, американское общество как «ведущее общество» в мире ликвидировало фундаментальные проблемы индустриализма. Существование больших конфликтов объяснялось их иррациональным и временным характером. Социологи консенсуса были шокированы и приведены в уныние, когда на гребне их услужливости разразились массовые движения за гражданские права в северных и южных городах, студенческие демонстрации за демократическое общество и окончание империалистической войны во Вьетнаме. Эти движения обнажили темную сторону американской демократии и пределы послевоенного консенсуса.

Они были вызовом не только американскому обществу, но и американской социологии. С помощью тяжелой руки государственных репрессий структурный функционализм эффек-

тивно изгнал марксизм из социологии и обеспечил монополию на свое собственное видение общества. Он был так самодовольствен в прославлении достоинств Америки, что потерял контакт с обществом, которое, как предполагалось, должен был изучать. Структурный функционализм рухнул, стимулируя появление широкой гаммы конфликтных теорий и возрождение интереса к марксизму.

Это, конечно, была не его ленинская версия, он создавался в противовес советскому марксизму. Последний рассматривался как извращение марксизма истинного. В некоторых случаях марксизм «новых левых» черпал идеи из «раскольнического» марксизма внутри большевизма, из работ таких авторов, как Троцкий и, в меньшей степени, Бухарин. Чаще он опирался на традицию западного марксизма, выросшего как альтернатива большевизму и как ответ на неудачу революции на Западе.

Наиболее влиятельной ветвью западного марксизма была Франкфуртская школа. Эта германская по происхождению школа не столько конструировала научную картину общества, сколько осуждала капитализм за расширение пропасти между реальностью и возможностью. Вместо освобождения человечества наука и технология подчиняли людей природе и друг другу. Представители этой школы черпали идеи из пессимистической социологии М. Вебера и психоанализа З. Фрейда. В работе «Диалектика просвещения» Адорно и Хоркхаймер стремились открыть, какие рациональные импульсы просвещения трансформировались в кошмар иррациональности. Их работа отражала опыт германского фашизма и советского коммунизма.

Т. Маркузе распространил этот анализ на современное американское общество, утверждая, что это тоже форма тоталитаризма, отказывающего людям в возможности быть свободными и рациональными. Как один из последних представителей Франкфуртской школы, Маркузе стал культовой фигурой среди поколения студентов 60-х годов. Вместе с социальными движениями того времени он прославлял сопротивление маргинальных групп в обществе, особенно расовых меньшинств и студентов, и видел в них потенциальный «революционный класс». Во всех его работах сильна утопическая тема, что явно резонировало с оптимизмом 60-х годов. Книга «Одномерный человек» символизировала чаяния студенческого движения как в Европе, так и в Америке.

Притягательная критичность теории была лишь одной из черт марксистского возрождения. Другая черта появилась в спокойные 70-ые, когда для развития марксизма была использована техника современной социальной науки. Школа французского структурализма, возглавляемая **Л. Альтюссером** и **Н. Пулантцасом**, а также работы итальянского марксиста **А. Грамши** вдохновляли новое поколение социологов на очередные попытки марксистского анализа классовой структуры, государства, культуры, организации труда, урбанизации и образования. Если и была у них общая проблема, так это выяснение того, как капитализму удалось выстоять, несмотря на очевидную иррациональность. Победа более радикальных течений над структурным функционализмом была наиболее очевидна в области социологии развития. С точки зрения Парсонса и его последователей слаборазвитость стран третьего мира была результатом их неудачной попытки принять западные ценности (ориентированные на успех, универсализм, индивидуализм) и институты (либеральная демократия). Если бы только странам третьего мира удалось освободиться от традиций и воспроизвести модель Запада, экономическое вознаграждение со стороны последнего последовало бы неизбежно. Альтернативный подход, который ранее разрабатывался такими марксистами, как **П. Баран** и **Г. Франк**, получил всестороннее развитие в книге **И. Уоллерстайна** «Современная система мира» (1976). Он утверждал, что одно дело — развивать капитализм, когда он еще не существует, а другое — развивать его, когда он уже существует как международная формация. Проблемы стран третьего мира, по мнению Уоллерстайна, лежат не столько в отсталости их ценностей или институтов, сколько в их месте в современной капиталистической системе. Он создал школу, которая рассматривала «мировую систему» как наиболее подходящую единицу анализа. Представители этой школы составили диаграмму ее исторического генезиса и роста, а также траекторию развития различных стран внутри нее.

Во многих отношениях анализ Уоллерстайна оказался пророческим, поскольку, подобно Троцкому, он считал, что социализм в одной стране невозможен. Трудности, переживаемые в Советском Союзе, и быстрый крах социализма в Восточной Европе показали доминирующее влияние капитализма в мировой системе. Это естественно ставит не только марксизм-ленинизм, но и западный марксизм в оборонительную позицию, поскольку он вынужден приспособливаться

к широко распространенному взгляду о том, что капитализму альтернативы нет. Это обстоятельство, в свою очередь, влияет на характер социологии. Вследствие ослабления марксизма и окончания «холодной войны» социология потеряла главную причину своего существования.

Результаты могут быть уже прослежены в американской социологии. Во-первых, она теряет свое критическое отношение к капиталистическому обществу, поскольку все более ориентируется на технику. Во-вторых, она все более приближается к своему спарринг-партнеру — неоклассической экономике. Вновь появился интерес к применению экономических моделей к неэкономическому поведению. В книге Д. Колемана «Основание социальной теории» (1990) дано новое определение социологии как теории рационального выбора, берущей рациональные действия индивидов как строительные блоки макросоциологии. Хотя такой подход вызвал значимую оппозицию со стороны традиционной социологии, наследников марксистской и растущей феминистской социологии, подъем теории социального выбора является сегодня заметной тенденцией.

В ы в о д ы

Американская социология прошла долгий путь, начав с наивного контовского видения социологии как новой религии человечества, социологов как высших жрецов общества. Она должна была пройти через эту наивную стадию, когда думалось, что простое накопление и организация социальных фактов спонтанно обеспечат решение социальных проблем. Американская социология должна была получить и следующий урок: нельзя превратиться в науку, являясь служанкой власти, вырабатывающей социальную политику. Более того, если бы она не развилась как наука, она не смогла бы понимать социальные процессы. Она не могла бы предвидеть последствия любой новой политики, поэтому ее рекомендации были бы слепы. В результате социология служила бы легитимизацией уже принятых решений. Ее уделом стало бы лишь описание общественного мнения с целью помочь правительству в развитии более эффективной системы господства, помогать менеджерам регулировать поведение своих рабочих или обеспечивать потребление бесполезных продуктов. Это была бы не социология, а рыночное исследование.

Поскольку власти были разочарованы результатами социологических исследований, а социологи настаивали на своей независимости, американская социология институционализировалась в университете. Там она достигла определенной автономии, что и позволило ей развиваться как науке, ставить собственные вопросы, развивать теорию, технику исследований, формировать свою собственную лестницу карьеры, критерии для финансирования и публикаций и т. д. Короче, американская социология стала профессией, оправдывающей свою автономию от имени «свободной от ценностей» науки. Социология, как уже было сказано, может стать истинно объективной наукой только в случае изоляции от внешних интересов.

Конечно, автономия от идеологии была фактически другой идеологией. Как мы видели, социологи использовали свою автономию для службы определенным интересам. Они активно участвовали в «холодной войне», пропагандировали антикоммунизм дома и за границей. Общая ориентация американской социологии изменилась в 60—70 годы в сторону поддержки более просвещенной государственной политики «примирения» или «контроля» «политических волнений» в гетто и студенческих городках. Только радикальная социология поддержала новые социальные движения против нарушения гражданских прав, ведения антигуманной войны и общей коррупции демократических ценностей. В основном социология поддержала идеалы «государства благоденствия», которое стремилось регулировать «девиантное поведение» и идти на уступки с целью избежать протеста. Когда замерли протесты 60-х годов, уже не было необходимости в «государстве благоденствия» и социологи вновь сменили свою ориентацию в сторону приспособления к новому, более консервативному политическому контексту.

Под прикрытием «свободы от ценностей» социологи не только представляли специфические общественные интересы. Как отметил А. Гоулднер, один из наиболее влиятельных послевоенных социальных теоретиков, социологи представляли также свои собственные интересы. В основе их интереса к беднякам, маргиналам, жертвам лежало стремление социологов укрепить свои позиции в академическом мире. Они стремились расширить свое влияние в университетах и установить контроль над допуском к профессиональной деятельности, а затем и над участием в ней. Но часто, как мы видели в случае со структурным функционализмом, следование

профессиональным интересам вело к разрыву связей между социологией и обществом. Читая статьи в главных социологических журналах, нельзя не удивляться частой их тривиальности и социальной неуместности. Может быть, это одна из издержек профессиональной модели — ее отказа от оценки со стороны.

Хотя контовское видение социологии как инструмента классового управления является неблагоприятным для развития ее как науки, модель профессионализации, как мы видим, так же не лишена пороков. Профессиональная модель лучше всего работает при двух условиях: она должна признать плюрализм конкурирующих теоретических направлений, а не допускать господство единой структуры с целью поддержания монополии одного течения.

Социология должна оставить свои претензии быть изолированной от общества и институционализировать отзывчивость к множеству голосов, особенно тех, что редко слышны. Развитие социологии зависит от ее относительной автономии, благоприятствующей росту науки с ее собственной интегральностью, сплоченностью и динамизмом, но в тоже время находящейся в постоянном диалоге с обществом.

**Перевод с английского
В. Ильина**